

Отзыв

**официального оппонента, доктора культурологии, профессора,
профессора кафедры гуманитарных дисциплин частного
образовательного учреждения высшего образования
«Таганрогский институт управления и экономики» на докторскую
диссертацию Марианны Андреевны Дударевой «Апофатика русской
словесной культуры конца Нового времени: образы смерти»,
представленную к защите по специальности 24.00.01 «Теория и
история культуры»**

В первую очередь следует отметить, что рассмотренное диссертационное исследование отличается несомненной научной новизной, важностью и актуальностью поставленных и решаемых в нем вопросов, их очевидной практической значимостью в сфере междисциплинарного научного знания. Можно согласиться с диссертантом в том, что апофатический контекст понимания смерти может быть задан рамками не только философии, богословия, но и культурологии, а также поэтики культуры (М. М. Бахтин), выражающей себя на всех уровнях русской словесной культуры. В этой связи устойчивая популярность философской танатологии в российском научном сообществе привела к расширению ее социокультурного контекста осмысления и сформировала традиции поиска национальной самобытности идеи смерти. Способ и глубина размышлений о бренности бытия входят в структуру мировоззрения, образуя смысловое и ценностное пространство человека как в традиционной народной культуре, так и культуре нового времени, в культуре модерна и постмодерна.

Кроме того, важно отметить, что интерес к танатологической тематике среди российских ученых, философов, культурологов превратил ее в относительно самостоятельное направление отечественной гуманитарной мысли. Если в конце 90-х годов философская танатология в России утверждалась на правах концептуального учения о познании человеком смерти, о самосознании конечности жизни, о бытии умирающего, то к

настоящему времени классическая структура философского знания пополнилась новыми элементами, проникнувшими в научное познание из цифровой реальности как «иного» измерения всех прежних констант картезианского мира. От философской танатологии российские гуманитарии быстро перешли в область Digital Humanities, где обосновались в Digital Death как медиапроект и влились в общий тренд медиаменеджмента (О. Мороз). Казалось бы, ничто не может развернуть этот процесс вспять и вновь заставить обратить внимание на важность классического философского дискурса танатологии.

Диссертационная работа М. А. Дударевой как раз является таким ответом на вызов цифровизации феноменов культуры, она выполнена именно в том ключе, который был найден «первооткрывателями» российской танатологии (А. Демичевым, М. Уваровым, В. Л. Рабиновичем и др.), оставившими в философии не просто свои фундаментальные труды, но и личный опыт жизни-умирания. Это философы, которые понимали смерть и умирание в контексте глубокой рефлексивности своего опыта бытия; для них смерть была не только феноменом культуры, но и ноуменом их профессионального мастерства.

Могу с уверенностью констатировать, что для соискательницы ноуменальная задача темы исследования возникла в силу феноменальности ее личного опыта, отсюда проявляется особая поэтичность ее танатологического дискурса и желание концептуализировать идеи, глубоко отдаленные от поверхности логики и смысла. Именно глубина, из которой рождается замысел диссертации, приводит ее автора порой к неожиданным и спорным артикуляционным «находкам», к числу которых я также отнесла бы и программную концептуальную идею апофатки как феномена культуры. Приняв за основу мысль о том, что невыразимое, неявленное, непостижимое в художественном описании образов смерти, какими мы их встречаем в народном фольклоре, песнях, поэзии, может быть названо апофатикой, М. А. Дударева приняла методологически значимое решение, во-первых, для

культурологической атрибутики своего исследования, во-вторых, для выбора соответствующего инструмента (метода) исследования, в-третьих, для направленности критической оценки полученных ею результатов исследования.

Итак, относительная незавершенность предметного и методологического становления культурологического знания дает возможность расширять и множить исследования, идентифицирующие себя с ее научным абрисом, поэтому уже становится привычным относить к числу культурологических самые оригинальные и порой неакадемичные работы. Диссертация М. А. Дударевой имеет несомненную культурологическую атрибуцию не только по теме, но и по характеру проведенного исследования, однако она многим отличается от аналогичных академических квалификационных работ и этим по праву может быть отнесена к числу ярких и нетривиальных событий в истории развития российской культурологической мысли, о чем свидетельствует внушительный раздел введения (стр. 3–25), посвященный обоснованию актуальности выбранной темы исследования в свете ее научной разработанности и теоретической значимости.

Цель и задачи диссертационной работы заключались в описании художественных (поэтических, прозаических, фольклорных, песенных) образов смерти как примера-иллюстрации «апофатики отечественной словесной культуры конца Нового времени» (стр. 26), что определило характер новизны проведенного исследования, работы исключительной важности по теоретико-философской концептуализации текстов науки, литературы и фольклора, посвященных изучению смерти как инобытия (стр. 27–28).

Достаточно убедительной и вызывающей одобрение является источниковедческая база исследования, доказывающая высокую эрудированность соискательницы, хорошее знание ею классических и

современных работ ученых, владение междисциплинарным подходом и новыми методологическими принципами онтогерменевтического анализа.

Что касается гипотезы исследования, то, несмотря на некоторую нечеткость формулировки научного предположения, значимым и справедливым является вывод о зависимости образов смерти в русском художественном слове от глубинных, фольклорных, архетипических символов смертной природы народного самосознания.

Практическая значимость и достигнутые результаты исследования обусловлены профессиональной направленностью диссертантки, которая имеет значительный опыт работы в творческих коллективах, индивидуально по программам и направлениям, поддерживаемым государственными и коммерческим фондами. Тема исследования в этом плане имеет несомненную значимость и перспективность ее реализации в конкретных гуманитарных практиках и социальном проектировании.

Среди всех положений, выносимых на защиту, положительной оценки заслуживает третье в перечне, раскрывающее «апофатическую составляющую» в «системе разноуровневых языковых единиц, обладающих семантикой невыразимого (несказанный, немислимый, невечерний, невиданный, неведомый и т. д.)», что, по мнению автора, связано «с особенностями пространственно-временных отношений в художественном тексте (встреча двух зорь, двух светил, света вечернего и невечернего, указывающая на мифологему вневременности)» (стр. 31–32).

В целом анализ предмета, цели, задач, положений, характеризующих научную новизну и выносимых диссертантом на публичную защиту, показывает их корректность и последовательность, а также то, что они в полной мере согласуются между собой, соответствуют заявленной теме, основному содержанию диссертационного исследования, полученным результатам и выводам. Следует признать самостоятельность и нетривиальность полученных автором выводов, на основе которых построены

рекомендации, востребованные в системе образования, обучения кадров высшей квалификации, в фундаментальных и отраслевых научных знаниях.

Безусловного одобрения заслуживает и сам творческий путь диссертантки, связанный не только с осмыслением сложнейших теоретических проблем, но и с успешной апробацией их решения в ходе непосредственного участия в международных конференциях посредством изданий трех монографий (одна из них на английском языке), участия в трех коллективных трудах, публикации 26 статей из перечня ВАК, 23 публикаций в индексируемых системах Scopus, WoS, участия в качестве научного руководителя проекта, поддержанного грантом РФФИ.

Основной текст диссертации, помимо необходимых структурных частей — введения и заключения, — содержит четыре главы, словарь терминов и приложение, что свидетельствует о глубокой эрудированности, отличной научной осведомленности и скрупулезности научной подготовки исследования М. А. Дударевой.

Критическая оценка **введения** к диссертации была изложена выше, в том числе на основании представленного к рецензированию автореферата, что же касается основного содержания исследовательской работы, то его обзор представлен далее в отзыве.

Первая глава диссертации посвящена теоретическим аспектам, методологии и терминологии исследования, поэтому она вызывает наибольший философский и культурологический интерес. Так, весьма неординарной является интерпретация М. А. Дударевой «апофатики в культуре». Со своей стороны хотела бы отметить, что апофатика (как абстрагирование от Божественного творения к Божественному Ничто) явлена во всем и везде именно как «инобытие», «небытие» и т. п. Апофатичен сам язык, который отыскивает подходящую речевую, словесную форму тому смыслу, который был в самом начале, из которого рождается сама возможность обозначения. В этом нет ничего удивительного и даже неизученного: язык вторичен по отношению к мысли, язык «проговаривает»

мысль и делает ее доступной для последующих действий, мыслительных операций — именованная, определения, деления, понятия и т. д. Таким образом, апофатична любая мысль в своем первоисточнике, когда она еще не обрела адекватную знаково-символическую, языковую форму.

Эта феноменальность языка и мысли в духе апофатического понимания весьма точно выражена у Федора Тютчева в его знаменитом стихотворении «Silentium» (с весьма характерным названием «Молчание»), где особенно примечательной стала строка «Мысль изреченная есть ложь», что и маркирует ограниченность языка в отождествлении с мыслью. Отсюда проистекает смычка апофатики и молчания. Апофатично молчание и безмыслие (точнее, домыслие) языка, что способно уловить искусство (стр. 39) и может уничтожить (нивелировать) концептуализация. Вообще апофатика не случайно выявляется архетипически, через символы и «формулы» фольклора, поскольку этот мир — мир холизма, в отличие от нововременного дискретного мышления, постоянно производящего разделение целого на части, дрейфующего между анализом и синтезом. Фольклор, искусство, художественная образность слова имеют холистическую природу, в которой апофатика и есть все неразложимое целое. Как только мышление разрывает холизм, противопоставляет мысль и образ, апофатика смещается «туда, не знаю куда», в «то, не знаю что», а на передний план бытия проступают слова и вещи, явления и процессы, чувства и отношения, рождение и смерть и т. д.

Вторая глава содержит иллюстративные тексты — от поэзии В. А. Жуковского до В. Маяковского, — объединенные в диссертации условными рамками «некалендарного» Нового времени, формирующего собственную историю апофатического импульса в художественном обрамлении осознанного отношения к смертности человека, к личному умиранию, к тленности и суетности жизни.

В этой главе, как и в последующих, историчность выборки художественных текстов литературы, поэзии, фольклора, песен демонстрирует всю ту же авторскую неакадемичность и нетипичность

подхода, который выражен концептом «некалендарного» времени. Опираясь на собственное понимание анализируемых текстов в их континуальной разбросанности от Пушкина до Высоцкого, отмечу, что они по сути выступают яркими иллюстрациями к основной идеи диссертации — апофатике в образах смерти. Именно поэтому локус «историчности» может быть значительно упрощен, вплоть до признания такой ретроспективы «некалендарной», поскольку речь идет о построении культурологической теории, объясняемой на примере отдельных текстов, выборочных «исторических» фрагментов русской словесной культуры.

Третья глава объединяет иллюстрации русской литературной прозы от агиографических текстов середины XVI века до русской литературы начала XX века, в которых сквозной идеей выступают поиски «иного царства» как устойчивого архетипа национального самосознания, уходящего своими корнями в фольклор и устное народное творчество. На этом этапе исследования диссертантка оправданно сталкивается с проблемой пространственной запредельности «иного» и вневременности его нахождения, распредмечивая «несказанное», «невыразимое» как своеобразный намек на смерть, умирание, вечность.

Четвертая глава, на мой взгляд, наиболее культурософская по характеру апофатических открытий в песенной массовой культуре XX века; здесь диссертантка остается верной выбранной ею концепции, раскрывая в «мнимой простате произведений» символический подтекст любовной эстетики смерти. Углубляясь в семиотическое измерение «лодки и красных цветов», «сиреневого тумана», образов сновидений, мечтаний и воображений авторов, она обнаруживает в них скрытые символы апофатического преображения. Таким образом, замыкается концептуальная связь традиции: фольклора — поэзии — прозы — песни и способа апофатического осмысления смерти в сопряженных с ней феноменах жизни, любви, печали, смеха и пр.

Подводя итог краткому обзору диссертации М. А. Дударевой, отмечу, что высказанные мной критические размышления являются субъективным

мнением оппонента и не требуют объяснений. Скорее всего, они являются предложением к совместной аналитической дискуссии, призванной найти основания для культурологического понимания феномена апофатики. Что же касается формальных замечаний к работе, то они заключаются в нижеследующем.

1. Требуется уточнения формулировка третьей задачи исследования: «на основании анализа художественного текста реконструировать мифологический сценарий “жизнь — смерть” в качестве программы жизнедеятельности человека». А именно что понимать под «реконструкцией мифологического сценария», служащего «программой жизнедеятельности человека». В этой связи можно ли установить корреляцию упомянутой задачи с конкретной частью диссертационной работы, подтвердить примерами ее решения на основе выбранных фрагментов описания текстов художественного слова?
2. Хотелось бы получить комментарий к объяснению, почему «апофатическое знание сегодня больше не является предметом исключительно философских и богословских изысканий», и в этой связи каковы признаки и качества «отрицательного мышления» (стр. 31)? Каким образом, на каких примерах «отрицательное мышление» отражается в художественной образности смерти?
3. Разделяя богословскую и философскую традиции толкования апофатики, М. А. Дударева отдает исключительное предпочтение культурологическому пониманию «апофатики, непостижимого в культуре, которое проявляется в художественном космосе» (стр. 37). Однако в тексте диссертации нет четких критериев отличия упомянутых традиций. Прежде всего, интересуют отличительные особенности культурологического измерения «апофатики как феномена культуры» в отличие от апофатического метода, способа последовательного отрицания возможных определений, сущностей.

4. Если оставить в стороне основную идею диссертационного исследования и способы ее дискурсивной артикуляции, то хотелось бы обратить внимание на скромность цитирования и застенчивость комментирования фундаментальных работ авторов, которые составили методологическую основу текста М. А. Дударевой. Анализируя ссылки к приведенным в тексте цитатам (114–158), а также список литературы в конце работы, можно констатировать отсутствие строгого методологического единства и симфонического согласия научных принципов исследования. Выполнено ли оно в духе феноменологии, онтогерменевтики, исторической поэтики, эстетики художественного слова или какого-то еще фундаментального подхода в теории культуры? В любом случае, «перепрыгивание» с одной упоминаемой работы на другую, с одного «яркого» фрагмента цитаты на другой, принадлежащий совершенно иной методологии, затрудняет понимание позиции автора.
5. Термин «апофатическое» в различных конструкциях упоминается диссертанткой без должного объяснения и корректных определений. Так, М. А. Дударева конструирует термин «апофатическая парадигма» (стр. 12, 25, 30, 31, 36, 37, 41, 46), а также сходный вариант «вступать в парадигматические отношения» (стр. 14, 53, 58, 65, 89, 184, 197, 310), отдельно выделяет парадигму «Ганатос — Эрос» (стр. 7, 117, 182, 184, 194, 213, 281, 323, 336). Следует ли понимать ее в куновской, классической версии смысла как правила, общепризнанной научной нормы или у этих терминов есть авторское значение? Кроме того, если понимать под «апофатическим» нечто невыразимое, запредельное, несказанное, то как оно может существовать с коннотацией «парадигмы»?

Высказанные замечания, критическая оценка и вопросы, конечно, не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы Дударевой Марианны Андреевны на тему «Апофатика русской словесной

культуры конца Нового времени: образы смерти», которая соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2016 № 335 и последующими изменениями), паспорту специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальностей ВАК РФ: 1.16 — традиции и механизмы культурного наследования, 1.21 — традиционная, массовая и элитарная культура, 1.22 — культура и национальный характер, 1.23 — личность и культура, 1.28 — культурные контакты и взаимодействие культур народов мира. Ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры».

Отзыв подготовлен доктором культурологии, профессором, профессором кафедры гуманитарных дисциплин частного образовательного учреждения высшего образования «Таганрогский институт управления и экономики» Татьяной Васильевной Мордовцевой.

31.08.2021

Почтовый адрес оппонента:

347932, г. Таганрог, ул. Энгельса, дом 188

Контакт:

+7 (918) 5312233

e-mail: mtvtaganrog@mail.ru

Dr. Prof.
Мордовцева Т.В.

Мордовцева Т.В.
Ведущий
начальник отдела кадров
31.08.2021 Ведеркина Е.П.

